

ГРАНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Ольга ЦВЕТКОВА

Соискатель сектора истории антропологических учений.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: tsvetkovaolgaal@gmail.com

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНАЯ ПРОБЛЕМА БЕЗУМИЯ

В статье предпринята попытка рассмотреть феномен безумия с точки зрения проблемы интерсубъективности. В качестве методологической основы использован феноменологический подход Людвиг Бинсвангера к работе с шизофренией, представляющий собой синтез феноменологии, онтологии и психоанализа. Обозначена тенденция в философии и психологических науках XX–XXI вв. перехода от интрапсихического к интерсубъективному исследованию психопатологии. Представлена концепция патологического миропроекта Л. Бинсвангера и сформулирована концепция интерсубъективности Л. Бинсвангера. Безумие определено как утрата способности, в большей или меньшей степени, реализовать онтологическую интенциональность к интерсубъективному контакту, где Другой предстаёт не как объект, но как субъект. Мы-пространство интерсубъективного взаимодействия является третьей сущностью, постоянно формируемой субъектом и Другим и также оказывающей на них влияние. Данный подход ложится в основу психиатрического метода Л. Бинсвангера, где возможность исцеления безумия может возникнуть именно за счёт восстановления способности к субъект-субъектным отношениям в интерсубъективном контакте с терапевтом.

Ключевые слова: Людвиг Бинсвангер, безумие, шизофрения, миропроект, Другой, Мы-бытие, интерсубъективность, интерсубъективный психоанализ, экзистенциальный психоанализ, философия психиатрии

Феномен безумия: энтропия внутреннего и внешнего

Человек страшится своей нерациональной части. Он онтологически тяготеет к завершённости, законченности. Ж. Лакан назовёт это стремление параноидным и скажет, что ничто не может быть на самом деле завершено. Феномен человека мы понимаем как бесконечно и беспрерывно становящуюся открытую динамическую систему. Осознание человеком своей смертности – то, что не позволяет ему обрести эту завершённость, и, вероятно, именно это, а не прекращение бытия как таковое, вызывает экзистенциальный ужас. Этот ужас отворачивает человека от своего внутреннего мира в сторону его контакта с внешней реальностью, которую часто называют сознанием, то есть в некотором знании человек не находится один, но он разделяет его с Другими, это помогает ему справляться с ужасом. Внутреннее же нерациональное и абсурдное психотическое содержание сложно делить с Другими, поскольку оно часто необъяснимо, неопишимо и, вероятно, его экспликация может быть осуществлена уже только на надречевом уровне. (Термин «надречевой уровень» вводит Людвиг Бинсвангер для описания возможности установления взаимопризнания и взаимопонимания во взаимной встрече Я-Ты [14], которую мы будем называть интерсубъективным контактом.) В данном контексте Л. Бинсвангер отмечает роль метафоры. Но парадокс состоит в том, что, во-первых, именно через речевое объективирование сознанию становится доступно бессознательное переживание и, во-вторых, надречевая коммуникация возможна только через признание инаковости Другого, а для признания инаковости Другого необходимо обращение к собственной инаковости.

Вероятно, именно ощущение жуткого, описанное Фрейдом в одноимённой статье 1919 г. [7], отвращает человека от его психотической части. Это осложняет интраспективное исследование и стимулирует исследование рационального и материального внешнего, в реальности которого как будто бы меньше сомнений. Для того чтобы свести сомнения к минимуму, человек обращается к науке с её эмпирическими доказательствами, что, с одной стороны, укрепляет объективную реальность, а с другой – соблазняет человека фиксироваться на иллюзии постоянства, контроля, всемогущества и завершённости, создавая своего рода невроз.

Человек изначально обладает «способностью к безумию», так же как и способностью к сновидению. Истинным безумием будет в таком случае отсутствие тех психических защит, которые бы позволяли человеку получить доступ и к другим уровням переживаний – переживания контакта с внешним, совместное переживание чего-либо с Другим. Первую попытку дать общую формулировку подобных защит З. Фрейд сделал в работе «Невропсихозы защиты» [8].

В данном контексте психоанализ как раз позволил рассматривать психопатологические симптомы, в том числе галлюцинации и бред, как символическую форму некоторого содержания, которое может быть исследовано и расшифровано методом свободных ассоциаций.

Безумие открывает дверь во внутренний мир человека, поскольку не устанавливает те психические защиты, которые держат эту дверь закрытой при условной норме, через которую оно буквально прорывается наружу и не может остаться незамеченным. Но подобное явление приносит страдание его носителю и окружающим. Безумие – это не богатое внутренне содержание само по себе, а невозможность субъекта взаимодействовать с ним по собственной воле. В отличие от экзальтированных творческих состояний, при которых выход внутреннего содержания организован под приматом некоторой целенаправленной деятельности. Безумец оказывается охваченным своим безумием – его внутреннее содержание смешивается с внешней реальностью, и этот хаос, в котором пребывает субъект, становится статическим. В древнегреческой мифологии место, где не существует времени, называлось адом, часто при его описании используются такие слова, как вечный, бессрочный, безвременный. В нём грешники переживали вечное страдание и вечный ужас.

Безумие, кроме того, не является отражением всего богатства внутреннего мира человека, который, как мы предполагаем, неисчерпаем, непостоянен, изменчив, а является проявлением лишь одного из бесконечного множества сценариев. То есть безумие – это процесс доминирования одного из внутренних сценариев, сформированного процессами сгущения и смещения, над всем бытием человека, внешним и внутренним. Захватывает в подобных проявлениях безумия богатство образов и богатство того внутреннего содержания, которое при нормальной работе психических защит было бы недоступно для внешнего наблюдателя. Для самого субъекта это содержание также могло быть недоступным, поскольку субъект является связывающей функцией внутреннего-внешнего-самости-воли-намерения, субъект является как бы собирающей оптической линзой онтологической направленности, намерения и настроенности, которые и формируют в конечном счёте «присутствие» бытия, «просвет бытия».

Безумие является отклонением от условной нормы, принятой в культуре. Проявления граней безумия могут варьироваться от необычных черт и чудачеств до вычурного и странного поведения. С безумием часто связаны оригинальные проявления креативного мышления, гениальности, их, например,

отмечают у значительной части выдающихся учёных, философов и художников [11]. Исключение безумия может свести существование человека к однообразному и стереотипному, лишённому спонтанности и разнообразия.

Исключение безумия действительно формирует ограниченное представление о человеке. Здесь важно, однако, не приписывать самому феномену безумия позитивный окрас, но делать акцент именно на той возможности, которую открывает исследование безумия в изучении феномена человека. Часто явления могут быть исследованы через негативные стороны, в сравнении, сопоставлении и на контрасте.

Человек должен рассматриваться феноменологически в полноте своего бытия и спонтанности самовыражения. Редуцируя «нежелательные» качества, человек восстаёт против бесконечности, смертности, непознаваемости, пытается справиться с тревогой перед собственной противоречивостью, перед необходимостью принять в себе природное, социальное и трансцендентное начала, перед экзистенциальным ужасом.

Именно внимание к субъективным переживаниям человека мира и самого себя, к полноте его бытия, самостановлению через поиск личностного смысла сближает современную отечественную философскую антропологию с феноменологической антропологией Людвига Бинсвангера. Своим «крёстным отцом» при создании концепции интерсубъективности Л. Бинсвангер считал С.Л. Франка, что, в свою очередь, определяет его связь с философией Н. Бердяева, Л. Шестова и др.

Л. Бинсвангер редко использовал понятие «интерсубъективности», отдавая предпочтение хайдеггеровским формулировкам «Мы-бытия», «бытия-с», «единения в любви». Введение понятия «интерсубъективности» стало возможным исходя из анализа идеи интенциональной направленности субъекта на Другого субъекта, с учётом опоры Л. Бинсвангера на феноменологию Э. Гуссерля.

Патологический миропроjekt как антитеза интерсубъективности

Отношение к психической болезни формируется в социокультурной среде. Однако, как правило, психически больным считается человек, чьё поведение отличается от нормы, установленной в обществе. Безумие связано с пониманием и общением. Безумие проявляется в искажении способов коммуникации с людьми, поведение становится вычурным, необычным для окружающих. Для самих же безумцев оно кажется нормальным. Это говорит о том, что они живут в отличных от остальных мирах. Но в эти миры можно заглянуть, узнать их устройство, понять душевнобольного, понять смысл его миропроекта.

Миропроjekt, по Л. Бинсвангеру, – это картина переживания мира человеком, складывающаяся из ориентиров его внутренней и внешней

жизни. В норме миропроjekt динамичен, но динамичность и текучесть бытия может быть нарушена – тогда человек становится заложником миропроекта, просвет бытия сужается, исчезает спонтанность и свобода, наступает безумие.

Безумие случается только там, где есть Другой. Сам субъект не может распознать безумства, это отличает его от иных экстравагантных состояний, например творческого экстаза. В безумии утрачивается связь с внешним Другим и происходит нарушение внутренней диалогичности.

Иными словами, способность к intersубъективности может быть заблокирована, либо как целостность она может быть фрагментирована. В безумии человек может тотально выпасть из intersубъективности, а может использовать лишь частичные стимулы к её установлению. Какие именно аспекты интенциональности к intersубъективности будут реализованы субъектом, вероятнее всего, зависит от особенностей индивидуального миропроекта.

При безумии, теряя контакт с внешним, человек погружается в мир собственных иллюзий. Однако субъект структурируется в диалогичности, в intersубъективном контакте. Рассматривая феномен с данной точки зрения, можно заключить, что противоположным безумию будет сохранение диалогичности, intersубъективного контакта, который, в свою очередь, подразумевает собственную субъектность и внутреннюю диалогичность.

Безумие – это изоляция субъекта в собственном патологическом миропроекте, при которой нарушена связь с Другими. Именно охваченность миропроектом приводит к временной или постоянной, в большей или в меньшей степени, утрате возможности устанавливать intersубъективные отношения. Таким образом, способность к intersубъективному контакту является противоположностью безумия.

Концепция intersубъективности проникла в психоанализ через философию и изменила взгляд на аналитический процесс как происходящий между, а не внутри индивидов. Теория intersубъективности берёт своё начало в феноменологической философии Э. Гуссерля. Он использовал понятие «intersубъективность» в качестве фундаментального аспекта своей философии. Его феноменология оказала влияние на работы Мартина Хайдеггера, Жан-Поля Сартра, Мориса Мерло-Понти, Поля Рикёра и многих других. Однако некоторые современные психоаналитики, принадлежащие к направлению intersубъективного психоанализа, ссылаются на гегелевскую интерпретацию intersубъективности.

В аналитическом пространстве понятие intersубъективности возникло в условиях доминирования интрапсихического, когда на первый план постепенно стали выходить реляционные психоаналитические концепции. Цель реляционных теорий состояла в том, чтобы концептуализировать влияние человеческих отношений на психическое развитие.

Сторонники intersубъективного подхода отмечают примат intersубъективного опыта, что означает, что формирование Самости, само-

оценки, чувства идентичности зависит от отношений с человеческим окружением.

В современном психоанализе концепция интерсубъективности была интегрирована в концепцию контрпереноса, также легла в основу реляционного психоанализа и интерперсонального психоанализа.

Интерсубъективно-конструктивистский поворот также произошёл в социальных науках и философии, что оказало значительное влияние на изменения статуса индивида в психоанализе. Был совершён переход от интрапсихического мышления, где Я рассматривалось как некоторая замкнутая целостность, в сторону исследования Я как части интерсубъективных отношений. Субъект-субъектные отношения заняли место субъект-объектных отношений.

В феноменологическом определении интерсубъективности центральное место занимает работа Л. Бинсвангера, который считает взаимность, или бытие-с, фундаментальным феноменом для понимания человеческого существования. Именно исследования феномена интерсубъективности в контексте изучения психических расстройств способствовали развитию антипсихиатрического движения. В своей терапевтической системе Л. Бинсвангер интегрировал концепции Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Бубера, М. Шелера, С.Л. Франка и др.

Людвиг Бинсвангер выступает посредником социоонтологических философских идей в психотерапии. Он считает искажением попытку рассматривать субъект-объектные отношения пациента отдельно от аналитической встречи. Бинсвангер стремится осмыслить индивидуальную проекцию мира как трансформацию структуры онтологической тотальности существования. Быть в мире – значит быть-с-миром (Mitwelt), то есть в отношениях с Другими. Таким образом, существование всегда интерсубъективно.

Проблема интерсубъективности в философии и психиатрии Л. Бинсвангера

В «Основных формах и познании человеческого существования» Л. Бинсвангер идёт дальше М. Бубера, рассматривая интерсубъективное пространство [14]. Существование изначально имеет потенциал для встречи, поэтому он относит «Я и Ты» как совместную форму бытия непосредственно к онтологической конституции. Дуальность конститутивно первична, а любовь является её высшей формой.

Онтологически двойственное Мы-бытие превосходит двойственность Я-Ты. Формулируя теорию либидо, Фрейд, как считает Бинсвангер, исходит онтогенетически, но не учитывает феноменологическую реальность любви, которая является структурным аспектом бытия и играет центральную роль в пространстве межчеловеческих связей.

Михаэль Теунессен считает работу Бинсвангера «Основные формы и познание человеческого существования» «...наиболее радикальной

попыткой онтологии “интерсубъективности” и инновационным отходом в работах по социальной онтологии XX века» [15, с. 799]. Он сопоставляет подходы Гуссерля и Бубера к интерсубъективности, критикуя континентальную философию и ставя проблему интерсубъективности на первый план в философии XX в.

Интерсубъективность для Бинсвангера также связана с лингвистической парадигмой. Развитие человека происходит в диалоге, направленном на Другого, в бытии-вместе. «Человек становится “человеком” только в разговоре с Другим, в общении Я и Ты, как Мы, на основе общего языкового мира или... общего лингвистического миропроекта. Язык – это не просто средство обмена, а бытие друг с другом в мире, который делает возможным понимание» [16, с. 134].

Бинсвангер выделил три одновременно сосуществующих способа бытия в мире. Umwelt – это та среда, в которой существует индивид, Eigenwelt – частный интрапсихический элемент бытия-в-мире, и Mitwelt – мир социальных отношений. По Бинсвангеру, Mitwelt является миром-с, он формулирует этот способ бытия как пространство, в котором индивид и общество разворачиваются в экзистенциальном союзе.

Бинсвангер утверждал, что в исследовании психопатологии важно понимание того, как индивид структурирует своё существование в соответствии с этими тремя способами бытия. Человек и мир существуют как единое целое. Бинсвангер стремился понять человека феноменологически через исследование всей совокупности существования, которая включает в себя и отношения с Другими.

Представление о том, что аналитики испытывают бессознательные аффекты своих пациентов через контрперенос, стало возможным благодаря интерсубъективному способу коммуникации между пациентом и аналитиком, о котором обстоятельно пишет Л. Бинсвангер. Традиционный психоаналитический взгляд на психоз, которого также придерживался Бинсвангер, заключался в том, что психотик изолирован от Других, он существует в собственном изолированном мире. В таком случае терапевтичным считается восстановление способности пациента к отношениям с Другим. В аналитической ситуации это происходит через отношения пациента с аналитиком. Этот тезис согласуется с аргументом Гуссерля о том, что перед людьми стоит задача установления отношений с Другими, чтобы преодолеть свою солипсистскую (нарциссическую) изоляцию, поскольку отношения человека с Другими не являются данностью.

Появление Другого подразумевает восприятие субъективности и инаковости Другого, то есть Другой воспринимается не как объект среди объектов, но как отличный феномен бытия.

Человек, по Бинсвангеру, – это изначально обращённая к Другим субъективность, и именно невозможность реализовать данную интенцию приводит к безумию.

Первые же идеи об интерсубъективности Бинсвангер намечает во «Введении к проблемам общей психологии» [12, с. 383] в 1922 г. В статье «О Феноменологии» в 1922 г. Бинсвангер говорит о том, что «...основой психопатологии является, прежде всего, интерсубъективное восприятие другого, незнакомого Я» [13, с. 66].

В своей главной философской работе «Основные формы и познание человеческого существования» [14] 1942 г., после которой Бинсвангер сосредотачивается главным образом на психиатрии, швейцарский психоаналитик говорит о том, что нельзя рассматривать человека как нечто отдельное и закрытое в самом себе, человек не является вещью среди вещей. Человек – это всегда субъективность, бытие – это феноменальное переживание тотальности взаимодействия человека с миром на трёх основных плоскостях – с вещами (внешними объектами), с природой и с людьми. Человек никогда не изолирован, он всегда во взаимодействии с объектами или субъектами. Он имеет изначальную способность и потребность к взаимодействию с другими субъектами.

Одной из характерных черт лиц, страдающих шизофренией, является обнищание межличностного общения. Шизофренический опыт характеризуется обеднением семейных, профессиональных и других социальных связей. Исследованию данного аспекта шизофренического опыта отводится особое место в социальных науках, поскольку с ним связывают факторы риска рецидива острых психотических состояний и самоубийств.

С феноменологической точки зрения подобное оскудение связей описывается как «базовый реляционный дефицит» и связывается с экзистенциальной ориентацией на бытие в мире в режиме изоляции и отчуждения. Для человека с шизофренией интерсубъективное взаимодействие представляется запутанным и угрожающим. Угроза, исходящая от отношений с Другим, может быть связана со страхом слияния и потери себя.

Определение шизофрении как патологии интерсубъективности, то есть как реляционной дисфункции по отношению к себе и другим, которое разделяли также С. Кьеркегор и Р. Лэйнг, сформировалось в том числе исходя из диалогической концепции М.М. Бахтина, в которой человек является полифоническим существом, то есть пребывает в процессе интрапсихического диалога между различными аспектами Самости. (Исследования интерсубъективности в лингвистической теории связано также с такими именами, как Хабермас, Гадамер. Подробный анализ их работ заслуживает отдельного рассмотрения.)

В речи психотического пациента можно заметить персеверации, словесную окрошку, речевой напор. Но не всегда подобные симптомы будут бросаться в глаза. Шизоафазию, когда речь грамматически правильна, не сразу можно распознать, но на неё будет указывать отсутствие понимания Другого содержания речи шизофреника и, как будто, отсутствие ожидания самого субъекта того, что Другой может его понять. Речь шизофреника замкнута на нём самом, она не обращена к Другому. Его речь

не является инструментом интерсубъективного взаимодействия, возможно, она является только способом разрядки аффекта, который обречён на неудачу, поскольку истинной разрядки аффекта через речь можно достичь только через понимание Другого.

У индивида с шизофренией нарушается ощущение темпоральности, чувство непрерывности себя. В связи с этим бытие-в-отношении-к-другим, которое является колеблющимся и нестабильным процессом, воспринимается человеком с шизофренией как нечто предшествующее ужасающему распаду Самости.

Бинсвангер понимает шизофрению как процесс отчуждения от интерсубъективности и отчуждения от бытия-с, при котором затруднено установление отношений с Другими. Изоляция может стать формой психопатологического существования.

В клинических случаях, описанных Бинсвангером, страдающий безумием человек часто вынужден покончить свои страдания суицидом, поскольку несмотря на стремление изменить себя и окружение под патологический миропроjekt, он сталкивается с тем, что при изменении формы продолжает присутствовать содержание, недоступное к изменению – духовная пустота, отчуждённость, ужас небытия, которые могут быть преодолены только в истинном единении с Другим, в Мы-бытии, в пространстве понимания, то есть в интерсубъективном контакте, высшую форму которого Бинсвангер называет любовью.

Шизофреническая позиция не предполагает направленность на Другого. Лечение человека, страдающего шизофренией, Бинсвангер предлагает проводить посредством восстановления его способности к реализации онтологической направленности на Другого.

На основе интерпретации идеи Л. Бинсвангера мы приходим к заключению о том, что неспособность к интерсубъективному взаимодействию и является основой безумия. Суженность миропроекта, недостаточная его гибкость, не позволяющая признать инаковость Другого, является, с одной стороны, причиной невозможности интерсубъективного взаимодействия, а с другой стороны, её следствием, поскольку пространство Мы призвано обогащать индивидуальный миропроjekt, чего не происходит при изолированности Я. Я не реализуется в пространстве общности, не обогащая его, и не включается в процесс само-изменения под воздействием Мы-пространства.

Безумие является результатом утраты способности к интерсубъективному контакту, утраты возможности признания Другого как субъекта. Именно восстановление онтологической интенциональности к интерсубъективному взаимодействию, заблокированной патологическим миропроjektом, будет являться главной целью экзистенциального анализа.

Список литературы

1. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М.: ИФ РАН, 2004. 178 с.
2. Бинсвангер Л. Шизофрения: введение // Бинсвангер Л. Бытие-в-Мире. М.: Рефл-бук, 1999. С. 121–136.
3. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 15–92.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювеста, 1998. 315 с.
5. Спирина Э.М. Здоровье и болезнь: психоаналитический подход // Философская школа. 2018. № 5. С. 154–158.
6. Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183–560.
7. Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование: сборник работ. М.: Республика, 1995. С. 265–281.
8. Фрейд З. Невропсихозы защиты. Ижевск: Ergo, 2018. 72 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
10. Шелер М. Ordo amoris // Шелер М. Избранные произведения / Пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филлипова; под ред. А.В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 339–377.
11. Askay R., Farquhar J. Of Philosophers and Madmen A disclosure of Martin Heidegger, Medard Boss, and Sigmund Freud. Amsterdam; New York: Rodopi B.V., 2011. 146 p.
12. Binswanger L. Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie. Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 1922. 383 p.
13. Binswanger L. Über Phänomenologie // Binswanger L. Ausgewählte Werke. Band 3: Vorträge und Aufsätze. Kröning: Roland Asanger Verlag Heidelberg, 1994. P. 35–69.
14. Binswanger L. Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins // Binswanger L. Ausgewählte Werke: in 4 Bänden. Bd. 2. Heidelberg: Asanger, 1993. P. 13–641.
15. Bohleber W. The concept of intersubjectivity in psychoanalysis: Taking critical stock // The international Journal of Psychoanalysis. 2013. No. 94 (4). P. 799–823.
16. Frie R. Subjectivity and Intersubjectivity in Modern Philosophy and Psychoanalysis: a Study of Sartre, Binswanger, Lacan, and Habermas. Boston: Rowman&Littlefield Publishers, Inc., 1997. 227 p.

FACETS OF HUMAN EXISTENCE

Olga TSVETKOVA

Applicant of the Department of the History of Anthropological Doctrines.
RAS Institute of Philosophy.
Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: tsvetkovaolgaal@gmail.com

INTERSUBJECTIVE PROBLEM OF MADNESS

The article attempts to consider the phenomenon of madness from the point of view of the problem of intersubjectivity. Ludwig Binswanger's phenomenological approach to work with schizophrenia, which is a synthesis of phenomenology, ontology and psychoanalysis, was used as a methodological basis. The trend in philosophy and psychological sciences of the 20th–21st centuries of the transition from intrapsychic to intersubjective study of psychopathology is outlined. The concept of L. Binswanger's pathological world-project is presented and L. Binswanger's concept of intersubjectivity is formulated. Madness is defined as the loss of the ability, to a greater or lesser extent, to realize ontological intentionality in intersubjective contact, where the Other appears not as an object, but as a subject. The We-space of intersubjective interaction, is the third entity, constantly formed by the subject and the Other, and also influencing them. This approach forms the basis of L. Binswanger's psychiatric method, where the possibility of healing madness can arise precisely through the restoration of the ability to subject-subject relationships in intersubjective contact with a therapist.

Keywords: Ludwig Binswanger, madness, schizophrenia, world project, Other, We-being, intersubjectivity, intersubjective psychoanalysis, existential psychoanalysis, philosophy of psychiatry

References

1. Askay, R., Farquhar, J. *Of Philosophers and Madmen A Disclosure of Martin Heidegger, Medard Boss, and Sigmund Freud*. Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2011. 146 pp. (In English)
2. Binswanger, L. "Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins" [Basic Forms and Knowledge of Human Existence], in: L. Binswanger, *Ausgewählte Werke, Bd. 2* [Selected Works, Vol. 2]. Heidelberg: Asanger, 1993, pp. 13–641. (In German)
3. Binswanger, L. "Shizofreniya: vvedenie" [Schizophrenia: Introduction], in: L. Binswanger, *Bytie-v-Mire* [Being in the World]. Moscow: Refl-buk Publ., 1999, pp. 121–136. (In Russian)
4. Binswanger, L. "Über Phanomenologie" [About Phenomenology], in: L. Binswanger, *Ausgewählte Werke, Bd. 3, Vorträge und Aufsätze* [Selected Works, Vol. 3, Lectures and Essays]. Kröning: Roland Asanger Verlag Heidelberg, 1994, pp. 35–69. (In German)

5. Binswanger, L. *Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie* [Introduction to the Problems of General Psychology]. Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 1922. 383 pp. (In German)
6. Bohleber, W. "The Concept of Intersubjectivity in Psychoanalysis: Taking Critical Stock", *The international Journal of Psychoanalysis*, 2013, No. 94 (4), pp. 799–823. (In English)
7. Buber, M. "Ya i Ty" [I and Thou], in: M. Buber, *Dva obraza very* [Two Types of Faith]. Moscow: Respublika Publ., 1995, pp. 15–92. (In Russian)
8. Frank, S.L. "Nepostizhimoe" [Incomprehensible], in: S.L. Frank, *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Pravda Publ., 1990, pp. 183–560. (In Russian)
9. Freud, S. "Zhutkoe" [The Uncanny], in: S. Freud, *Khudozhnik i fantazirovanie* [Artist and Fantasy]. Moscow: Respublika Publ., 1995, pp. 265–281. (In Russian)
10. Freud, S. *Nevropsikhozy zashchity* [Neuro-Psychoses of Defense]. Izhevsk: Ergo Publ., 2018. 72 pp. (In Russian)
11. Frie, R. *Subjectivity and Intersubjectivity in Modern Philosophy and Psychoanalysis: a Study of Sartre, Binswanger, Lacan, and Habermas*. Boston: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1997. 227 pp. (In English)
12. Gurevich, P.S. *Problema tselostnosti cheloveka* [The Problem of Human Integrity]. Moscow: IF RAN Publ., 2004, 178 pp. (In Russian)
13. Heidegger, M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2015. 460 pp. (In Russian)
14. Husserl, E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. St. Petersburg: Nauka Publ., Yuvesta Publ., 1998. 315 pp. (In Russian)
15. Scheler, M. "Ordo amoris", in: M. Scheler, *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 339–377. (In Russian)
16. Spirova, E.M. "Zdorov'e i bolezni': psikhooanaliticheskii podkhod" [Health and Illness: a Psychoanalytic Approach], *Filosofskaya shkola*, 2018, No. 5, pp. 154–158. (In Russian)